

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2020.55.89.026

Апофатическая реальность в стихотворении А.С. Пушкина «Зимняя дорога»: образ идеальной возлюбленной

Дударева Марианна Андреевна

Докторант,
Шуйский филиал Ивановского государственного университета,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка № 2 ФРЯиОД
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Аннотация

В статье проанализировано стихотворение А. С. Пушкина «Зимняя дорога». Показано, что оно может быть рассмотрено в контексте апофатической традиции, с онтологических позиций, когда реальный комментарий, поиск прототипов героини Нины уходит на второй план или вовсе оказывается непродуктивным. Апофатизм лирического текста связан с мифологемой безвременья, встречи ночи и дня, которую олицетворяет «луна на убывании». Нина метафизически связана с архетипом луны, что в целом характерно для творческой лаборатории поэта. Большое внимание уделяется языковой действительности «Зимней дороги», неопределенному местоимению «что-то», обладающему семантикой невыразимого в поэтическом языке, и фольклорному выражению «загляжусь не наглядясь», представленному в модифицированном виде. Последовательный анализ произведения в разветвленном культурно-историческом контексте с привлечением культурологических методов, связанных с онтогерменевтикой, позволяет пересмотреть его образную систему: Нина выполняет функции идеальной возлюбленной, образ которой станет осевым для русской поэзии периода модернизма. Она является своего рода Софией для лирического героя, пересекающего пространство смерти, холодное зимнее поле. Топос поля в стихотворении Пушкина потенциально связан с «тем светом». Прикоснуться к знаниям ноуменального мира лирический герой может только в момент безвременья, когда с ним никого рядом нет и ямщик молчит, поскольку молчание также выступает, по фольклорным представлениям, атрибутом сферы смерти. Но смерть носит временный характер и связана с космическим перерождением в новом качестве.

Для цитирования в научных исследованиях

Дударева М.А. Апофатическая реальность в стихотворении А.С. Пушкина «Зимняя дорога»: образ идеальной возлюбленной // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 3А. С. 213-221. DOI: 10.34670/AR.2020.55.89.026

Ключевые слова

Традиционная народная культура, поэтика А. С. Пушкина, апофатическая традиция, архетип, «тот свет», идеальная возлюбленная.

Введение

Казалось бы, за сто лет пушкинистики, ее достижений, почти невозможно сделать сверхоткрытие относительно творчества великого поэта. Однако с появлением в нашей гуманитаристике работ об апофатике¹ русской литературы и культуры [Елепова, 2012; Ретеюм, 2013; Михайлова, 2016; Dudareva, 2019] изменился во многом и взгляд на само творчество, и поэтическое вещество стало восприниматься с *онтологических* позиций. Историко-литературное описание, биографический метод с большой долей вероятности скоро изживут себя, поскольку усилиями советского литературоведения мы узнали достаточно о личности того или иного художника слова, чтобы иметь о нем суждение на этом уровне. В творчестве каждого большого поэта обязательно найдется произведение, которое не подвластно биографическому комментированию и требует *имманентного* прочтения. Примером такого стихотворения может служить «Зимняя дорога» А. С. Пушкина, к которой в последнее время исследователи снова проявляют большой интерес, на что указывают работы как на русском [Океанский, Океанская, 2020], так и на английском языках [Nepaгоkova, 2019], работы как литературоведов, так и культурологов.

Апофатическая реальность в стихотворении

Обратимся к анализу стихотворения, используя структурно-типологический, сравнительно-сопоставительный, системно-комплексный (культурологический) методы исследования, которые позволяют комплексно подойти к разбору художественного текста, показать национальный космос в произведении. Напомним текст:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

¹ Апофатический путь познания Божественного начала предполагает отрицание любых доступных определений для этого начала, это своего рода путь *незнания*, когда открытие священного инобытия, или иерофании, по терминологии М. Элиаде, осуществляется через молчание, тишину, которые наступают в момент безвременья, вневременности встречи света вечернего и невечернего, дня и ночи.

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

[Пушкин, 1977, 303]

Исследователи справедливо делят стихотворение на две смысловые части, первая касается санного снежного пути, вторая — долгожданной встречи с *милой*. Казалось бы, ответить на привычный школьный вопрос, о чем это стихотворение, можно так: о зимней дороге, которая ведет к любимой. Однако и неискушенный читатель, и исследователь чувствуют даже на эмпирическом уровне, что этот текст таит в себе намного больше, и, кроме того, он продолжает жить и сегодня в литературном творчестве разных авторов [Сухих, 2018]. В пушкиноведении это стихотворение принято рассматривать в контексте других стихов, в которых воплотился мотив дороги, мифологема пути [Ходанен, Озерова, 2008] («Телега жизни», 1823), или зимнедорожного цикла [Козубовская, 2017] («Зимний вечер», 1825). Исследователи делают акцент в первую очередь на биографических моментах, связанных с многочисленными поездками и путешествиями самого поэта по России [Ходанен, Озерова, 2008, 202]. Но никакой реальный комментарий не поможет постичь нам ускользающий *апофатизм* пушкинского творчества. В чем же он проявляется?

Во-первых, мы сразу же сталкиваемся с архетипической ситуацией — *лунным пейзажем*, который является семантически заряженным и ритуально значимым в художественной лаборатории поэта, и этот пейзаж связан с *женским архетипом*, например, Татьяной, поворотные моменты в судьбе которой освещены лунным светом [Смирнов, 2001]. Во-вторых, оказывается важной пространственная модель: лирический герой не просто путешествует по пустынной дороге, а едет по тихому зимнему полю. Для *русского космо-психо-логоса* это тоже принципиально значимо в контексте традиционной народной культуры, апофатизма равнины [Океанский, 2010, 241]. Зима не просто соотносится с замиранием всего живого, но и потенциально связана с миром мертвых: в жанре обмираний душа, попадая на «тот свет», оказывается на заснеженной поляне, в зимнем пространстве: «Тот человек подвел меня к порогу, я оглянулась на пороге и, как вышла в сенцы, так и загорелась вся, как загорается бумага.

И поднялась вверх, а потом опустилась и *стала на снегу*» [Петрухин, 2010, 363]. Вспомним тут и сон Татьяны, которая идет по «снеговой поляне // Печальной мглой окружена» [Пушкин, 1978, 91] и набредает на шалаш убогой (разбойничий дом). Исследователи, указывающие на балладное начало зимнедорожных стихотворений Пушкина, также обращаются к фольклорной эстетике, жанру баллады, одним из компонентов которой в онтологическом плане является дорога, разделяющая мир живых и мертвых [Козубовская, 2017, 100]. И, казалось бы, с точки зрения фольклорной логики пушкинский герой стремится пережить и прожить скучный, грустный санный путь, чтобы скорее приехать к *милой*, и тогда зимняя дорога соединяет пространство поля, глуши, потенциально связанных с топосом «того света», и мир живых, ассоциируемый с миром возлюбленной, дома, камина. Но фольклоризм Пушкина носит особый характер, и, по замечанию Д. Н. Медриша, поэт нередко отходит от традиции, вступая с ней в спор: «...если случаи “открытого” фольклоризма (описание обрядов, фольклорные эпиграфы, явные цитаты) с достаточной полнотой учтены и рассмотрены пушкинистами, то фольклоризм скрытый, глубинный, когда народные представления проникают в “нейтральные”, казалось бы, картины и эпизоды, растворяясь в авторской речи и в результате становясь существенным элементом поэтики, зачастую остается незамеченным» [Медриш, 1996, 110]. В данном стихотворении нарушение фольклорной логики связано с образом загадочной Нины, над которым задумываются почти все исследователи, пытаясь отыскать прототип, реальный или литературный. Но дело здесь не столько в литературном образе, например, Нины Воронской из «Евгения Онегина» или Нины из поэмы Боратынского «Бал», сколько в онтологическом и аксиологическом статусе героини.

Нина вписана в *инобытие*, она метафизически сопричастна ему, по справедливому наблюдению В. П. Океанского и Ж. Л. Океанской [Океанский, Океанская, 2020]. Нина — идеальная спутница, *идеальная возлюбленная*, образ которой станет одним из осевых для русской литературы начала XX века, эстетики модернизма [Малыгина, 2010] (Незнакомка, Прекрасная Дама, София у Блока; Та, которой в мире нет, у Есенина; Световая возлюбленная у Платонова). Если поэзия начала *некалендарного* века была открыта мифу и фольклору, а поэты занимались мифотворчеством, в чем выразилась их жизненная установка, то для Пушкина *преданья старины глубокой* настолько были органичны, что иногда трудно разделить историческое, бытовое и бытийное, надмирное. Но здесь стоит вспомнить о немецких романтиках, о Новалисе с его «Гимнами к ночи», в которых Лик возлюбленной проявляется на темном небе: «Сгнуло земное великолепье вместе с моею печалью... Облаком праха клубился холм — сквозь облако виделся мне просветленный *лик любимой*» [Новалис, 1996, 53]. Ночь является не столько хаосом, сколько стихией неоформленной материи, и ее может упорядочить Эрос: «По Новалису, хаос должен быть разбужен Эросом...» [Керашева, 2009, 30]. Стоит отметить, что немецкий романтик своей эстетикой ночи, *ночного сознания* оказал большое влияние на современников Пушкина. Приведем изречение В. А. Жуковского, размышляющего о *темном* таинственном прекрасном, которое действует скрытым образом на душу человека: «Жизнь наша есть ночь под звездным небом; наша душа в лучшие минуты бытия открывает сии звезды, которые не дают и не должны давать полного света, но, украшая наше небо, знакомя с ним, служат в то же время и путеводителями на земле» [Жуковский, 2004, 156-157]. Одним из таких *просветленных* моментов человеческого бытия выступает любовь, Эрос космического порядка.

С ночью у Новалиса также связан и образ подлинного света, который можно узреть, только сняв покров, «пелену» (*die Binde*), и это не случайно, поскольку «многие мотивы из “Гимнов к

ночи” Новалиса восходят к христианской тематике» [Давыдова, 2001, 51]. Итак, Эрос объединяется со Светом, который носит апофатический характер, то есть это Свет *неявленный*. У Пушкина таким Светом наделен образа Нины, о которой и знать ничего не следует, кроме как то, что к ней устремлен в думах лирический герой, когда он и в пути, и с милой дома:

Звучно стрелка часовая
 Мерный круг свой совершит,
 И, докучных удаляя,
 Полночь нас не разлучит.

[Пушкин, 1977, 303]

В. П. Океанский и Ж. Л. Океанская предполагают, что стрелка часовая, совершая круг и возвращая героя к сакральному часу, к полночи, к объятиям милой, в данном случае символизирует онтологический момент [Океанский, Океанская, 2020, 19]. Это правомерное тонкое наблюдение хотелось бы дополнить еще одним суждением: в стихотворении лирический герой дважды обращается к Нине, и, самое интересное, последняя строфа завершается обращением не к возлюбленной, не воспоминанием о домашнем очаге, а безмолвным диалогом с Ниной. Образ Нины сопряжен с лунным пейзажем, связан с ночным временем, и, вероятно, лирический герой, даже оказавшись дома, будет пребывать в ожидании полночи: «полночь нас не разлучит», не разлучит героя и Нину, идеальную возлюбленную, отодвигая на второй план бытовую действительность, докучных гостей, домашние дела и даже милую. Вспомним есенинское «Едет, едет милая, // Только нелюбимая» [Есенин, 1995, 224]. Для русского варианта Эроса, как показали работы Г. Д. Гачева, доминантным является тип именно невоплощенной, неразделенной любви [Гачев, 1995, 287]. Исходя из таких представлений о национальном варианте бытия, вполне можно предположить, что перед нами именно две героини, и действительно стоит разводить милую и Нину. Именно поэтому в последней строфе возникает новая ипостась луны — луна *на убывание*, предутренняя луна:

Грустно, Нина: путь мой скучен,
 Дремля смолкнул мой ямщик,
 Колокольчик однозвучен,
 Отуманен лунный лик.

[Пушкин, 1977, 303]

Ямщик устал от дороги и смолк, луна исчезает в тумане, и с ней, вероятно, исчезает и Нина — до следующей полночи (молчание в традиционной культуре связано с «тем светом», «тишина, молчание становятся универсальными атрибутами, маркерами всей сферы смерти» [Невская, 1999, 126]). Апофатизм ситуации заключается в том, что лирический герой приобщается к знаниям ноуменального мира только ночью, когда пропадает суeta дня, вместе с гостями и даже *милой*, но земной возлюбленной, и тогда появляется *идеальный спутник* поэта, Нина. Героиня, как отмечают исследователи, достаточно абстрактна, имя Нина помогает создать образ женщины, которой нет [Nenarokova, 2019, 27], и мы не можем о ней ничего сказать, но нам и не нужно — важен ее *онтологический* статус и *сопричастность* метафизическому пространству. Именно она и олицетворяет тот *невидимый* свет звезд, луны, о котором писали в своих дневниках Жуковский и в «Гимнах к ночи» Новалис.

Апофатическая реальность также проявляется на языковом уровне через неопределенное местоимение «что-то», которое, по наблюдению И. И. Ковтуновой, несет семантику невыразимого в поэтическом языке русской литературы [Ковтунова, 1993, 114]. Что-то слышится родное для лирического героя в песнях ямщика, и в этом *что-то* всё и ничего одновременно — и тоска, и веселье. Но эти два полюса уравнивают друг друга, и пушкинский герой снова возвращается к исходной точке, к *безвременью*, попадая в пространство глуши, то есть отдаленного глухого места, семантически связанного с представлениями о «том свете». Обращает на себя внимание в этом аспекте невременности, выпадания лирического героя из линейного времени и бытового пространства *фольклорное речение*, использованное поэтом в модифицированном виде: «Я забудусь у камина, // Загляжусь не наглядясь». В русском языке глагол перцептивного состояния «глядеть» требует в пару предикат «не наглядеться» [Авдевина, 2012, 10], и все тогда было бы верно с точки зрения языка в стихотворении, но у Пушкина употреблен глагол «заглядеться», который характеризует оптику лирического героя с другой стороны, а именно имагинативной, онтологической. Герой как бы смотрит не на объект, милую, а *за* объект: заглядывается, забывается, уходит в иную действительность. Здесь справедлива гипотеза из статьи В. П. Океанского и Ж. Л. Океанской о том, что в стихотворении разворачивается антисюжет: «зимняя дорога» воплощает санный, предсмертный путь от любимой, Нины, к милой, к быту [Океанский, Океанская, 2020, 20].

Заключение

Особенности пространственно-временной модели стихотворения «Зимняя дорога» обусловлены тем, что в лирическом тексте представлена мифологема безвременья, встречи ночи и дня, которая парадигматична образу луны, идеальной возлюбленной, обладающей метафизической сопричастностью. Пушкинский герой проживает свою зимнюю дорогу как инициационный путь, и его помощником, своего рода чудесным проводником выступает Нина, кроме того, лирический герой «Зимней дороги» отказывается от материальных благ, домашнего комфорта в кругу милой и гостей ради своей идеальной возлюбленной, и в этом состоит уже *его* метафизическая сопричастность.

Библиография

1. Авдевина О. Ю. Семантика «состояние v. действие» в содержании перцептивных глаголов // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 10-18.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс — Культура, 1995.
3. Давыдова Е. В. Творчество Новалиса в контексте русской литературы XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 192 с.
4. Елепова М. Ю. Эстетика В. А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. 2012. № 4 (22). С. 176-178.
5. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука, 1995–2002. Т. 1, 1995. 672 с.
6. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13. 608 с.
7. Керашева Ф. Н. Жанр сказки в творчестве А. С. Пушкина и Новалиса в аспекте проблемы мотива пути // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. № 1. С. 28-31.
8. Ковтунова И. И. Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX в.: грамматические категории: синтаксис текста. М.: Наука, 1993. Т. Вып. 2. С. 106-154.
9. Козубовская Г. П. Пушкинский зимнедорожный цикл: балладный пласт // Культура и текст. 2017. № 1 (28). С. 98-124.
10. Малыгина Н. М. Образ идеальной возлюбленной в творчестве Сергея Есенина и Андрея Платонова // Есенинская энциклопедия. М.-Константиново-Рязань: Пресса. 2010. С. 387-404.
11. Медриш Д. Н. Народные приметы и поверья в поэтическом мире Пушкина // Московский пушкинист III.

- Ежегодный сборник. М.: Наследие, 1996. С. 110-124.
12. Михайлова М. Ю. Художественная апофатика русского фольклора // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 2. С. 472-476.
 13. Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 123-134.
 14. Новалис. Гимны к ночи: пер. с нем. М.: Энигма, 1996. 192 с.
 15. Океанский В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. Иваново: ШГПУ, 2010. 358 с.
 16. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. «Млечная дорога» — от Пушкина к Бальмонту // Солнечная пряжа: научно-популярный и литературно-художественный альманах. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2020. Вып. 14. С. 16-22.
 17. Петрухин В. Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов. М.: АСТ: Астрель, 2010. 414 с.
 18. Пушкин А. С. Собр. Соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977-1979. Т. 2, 5.
 19. Ретеюм А. Б. Апофатический путь русской поэзии // Материалы шестой научно-практической конференции, посвященной наследию Ю. П. Кузнецова. М.: Моск. культурно-образовательный центр при Литературном институте, 2013. С. 28-33
 20. Смирнов В. А. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX — начала XX века): Пушкин. Лермонтов. Достоевский. Бунин. Иваново: Юнона, 2001. 234 с.
 21. Сухих О. С. Пушкинские мотивы в романе Л. Юзефовича «Зимняя дорога» // Культура и текст. 2018. № 1. С. 39-51.
 22. Dudareva M. Apophatic elements in the poetry of S. A. Yesenin: Thanats' characters // *AMAZONIA INVESTIGA*. 2019. Vol. 8, N 22. P. 51-57.
 23. Nenarokova M. R. A. S. Pushkin, “The Winter Road”: the Poem’s Reception in the English-Speaking World through the Mirror of Close Reading // *Philological Class*. 2019. N 2 (56). P. 22-30.

Apophatic reality in Alexander Pushkin’s poem “Winter Road”: the image of the ideal beloved

Marianna A. Dudareva

PhD in Philology, Doctoral Student,
Shuya branch of Ivanovo State University,
Senior Lecturer at Department of the Russian language No. 2,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Abstract

The paper analyzes Alexander Pushkin's poem “Winter Road”. It is shown that this poem can be considered in the context of the apocalyptic tradition, from the ontological perspective, when the real commentary, the search for the prototypes of Nina, the heroine the poem, recedes into the background or turns out to be fruitless. The apophaticism of the lyrical text is associated with the mythologem of timelessness, the meeting of night and day, which is personified by the “waning moon”. Nina is metaphysically related to the archetype of the moon, which is generally typical of the poet's creative laboratory. Much attention is given to the linguistic reality of the “Winter Road”, the indefinite pronoun “something” conveying the semantics of the unspeakable in the poetic language, and the folkloric expression “stare without taking my eyes off” presented in a modified form. The consistent analysis of the poem in an extensive cultural and historical context, involving cultural methods related to onto-hermeneutics, makes it possible to revise its figurative system: Nina

fulfills the functions of the Ideal Beloved, the image of which will later become axial for Russian poetry of the period of modernism. She is some kind of Sophia for the lyrical hero going through the space of death, a cold winter field. The topos of the field in Pushkin's poem is potentially related to “the other world”. The lyrical hero can get in touch with the knowledge of the noumenal world only at the moment of timelessness, when there is no one beside him and the coachman is silent, because silence also, according to folklore perception, serves as an attribute of the sphere of death. However, death is temporary and is associated with cosmic rebirth in a new capacity.

For citation

Dudareva M.A. (2020) Apofaticheskaya real'nost' v stikhotvorenii A.S. Pushkina «Zimnyaya doroga»: obraz ideal'noi vozlyublennoi [Apophatic reality in Alexander Pushkin's poem “Winter Road”: The image of the ideal beloved]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (3A), pp. 213-221. DOI: 10.34670/AR.2020.55.89.026

Keywords

Traditional folk culture, Alexander Pushkin's poetics, apophatic tradition, archetype, “other world”, ideal beloved.

References

1. Avdevnina O. Yu. (2012) *Semantika «sostojanie v. dejstvie» v sodержanii perzeptivnyh glagolov* [Semantics “state v. action” in the content of perceptual verbs]. *Bulletin of the Saratov University*. V. 12. Issue. 2. S. 10-18.
2. Gachev G. D. (1995) *Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos* [National images of the world. Cosmo-Psychology]. Moscow: Progress – Culture.
3. Davydova E. V. (2001) *Tvorchestvo Novalisa v kontekste russkoj literatury XX veka* [Novalis creativity in the context of Russian literature of the XX century]: dis. ... cand. filol. sciences. M., 2001.192 p.
4. Elepova M. Yu. (2012) *Estetika V.A. Zhukovskogo v apofaticheskom kontekste* [V. A. Zhukovsky's aesthetics in an apophatic context]. *Diskussiya* [Discussion], pp. 176-178.
5. Yesenin S. A. (1995) [Complete Works: in 7 vols]. Moscow: Nauka, 1995–2002. T. 1, 1995. 672 s.
6. Zhukovsky V. A. (2004) [Complete. Sobr. Op. and letters: in 20 vols]. Moscow: Languages of Slavic culture. T. 13. 608 p.
7. Kerasheva F. N. (2009) *Zhanr skazki v tvorcestve A. S. Pushkina i Novalisa v aspekte problemy motiva puti* [The genre of fairy tales in the works of A. S. Pushkin and Novalis in the aspect of the problem of the path motive]. *Bulletin of the Adygea State University*. No. 1. S. 28-31.
8. Kovtunova I. I. (1993) *Princip nepolnoj opredelennosti i formy ego grammaticheskogo vyrazhenija v pojeticheskom jazyke XX veka* [The principle of incomplete certainty and the form of its grammatical expression in the poetic language of the XX century]. *Essays on the history of the language of Russian poetry of the XX century: grammatical categories: text syntax*. Moscow: Nauka. T. Vol. 2, pp. 106-154.
9. Kozubovskaya G. P. (2017) *Pushkinskij zimnedorozhnyj cikl: balladnyj plast* [Pushkin winter-road cycle: ballad layer]. *Culture and text*. No. 1 (28). S. 98-124.
10. Malygina N. M. (2010) *Obraz ideal'noj vozlyublennoj v tvorcestve Sergeja Esenina i Andreja Platonova* [The image of the ideal beloved in the works of Sergei Yesenin and Andrei Platonov]. *Yesenin Encyclopedia*. Moscow-Konstantinovo-Ryazan: Press. S. 387-404.
11. Medrish D. N. (1996) *Narodnye primety i pover'ja v pojeticheskom mire Pushkina* [Folk signs and beliefs in the poetic world of Pushkin]. *Moscow Pushkinist III*. Annual compilation. Moscow: Heritage. S. 110-124.
12. Mikhailova M. Yu. (2016) *Khudozhestvennaya apofatika russkogo fol'klora* [Artistic apophatics of Russian folklore]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 21 (2), pp. 472-476.
13. Nevskaya L. G. (1999) *Molchanie kak atribut sfery smerti* [Silence as an attribute of the sphere of death]. *World sounding and silent: Semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs*. Moscow: Indrik. S. 123-134.
14. Novalis (1996) *Gimny k nochi* [Anthems for the night]. Moscow: Enigma. 192 p.
15. Okeansky V. P. (2010) *Chelovek i total'nost': pojetika prostranstva i ee krizis* [Man and totality: the poetics of space and its crisis]. Ivanovo: ShSPU. 358 s.
16. Okeansky V. P., Okeanskaya J. L. (2020) «Mlechnaja doroga» — ot Pushkina k Bal'montu [“The Milky Way” - from Pushkin to Balmont]. *Solar Yarn: popular science and literary and artistic almanac*. Shuya: Publishing house of the

-
- Shuy branch of IvSU. Issue. 14. S. 16-22.
17. Petrukhin V. Ya. (2010) *The Underworld. Myths about the afterlife: myths of different nations*. Moscow: AST: Astrel. 414 s.
 18. Pushkin A. S. (1977-1979) *Sobr. Op. .: in 10 vols. L. .: Nauka. Vol. 2, 5.*
 19. Retyum A. B. (2013) *Apofaticheskij put' russkoj poezii* [Apophatic path of Russian poetry]. Materials of the sixth scientific-practical conference devoted to the heritage of Yu. P. Kuznetsov. Moscow: Mosk. cultural and educational center at the Literary Institute. S. 28-33
 20. Smirnov V. A. (2001) *Literatura i fol'klornaja tradicija: voprosy pojetiki (arhetipy «zhenskogo nachala» v russkoj literature XIX — nachala XX veka): Pushkin. Lermontov. Dostoevskij. Bunin* [Literature and folklore tradition: issues of poetics (archetypes of the “feminine principle” in Russian literature of the 19th – early 20th centuries): Pushkin. Lermontov. Dostoevsky. Bunin]. Ivanovo: Juno. 234 s.
 21. Sukhikh O. S. (2018) *Pushkinskie motivy v romane L. Juzefovicha «Zimnjaja doroga»* [Pushkin motives in the novel by L. Yuzefovich "Winter Road"]. *Culture and text*. No. 1. S. 39-51.
 22. Dudareva M. (2019) Apophatic elements in the poetry of S. A. Yesenin: Thanats' characters. *AMAZONIA INVESTIGA*. Vol. 8, N.22. P. 51-57.
 23. Nenarokova M. R. (2019) A. S. Pushkin, “The Win-ter Road”: the Poem’s Reception in the English-Speaking World through the Mirror of Close Reading // *Phil-ological Class. N 2 (56)*. P. 22-30.